

А. Б. Шлуинский

**ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В РИМ, ИЛИ
О ПОКАЗАТЕЛЯХ МА В ЯЗЫКЕ СУСУ ***

В языке сосо говоримая спочка...
s. sat.

Если хочешь идти налево... иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если хочешь идти направо — иди направо. (...) Если даже ты пойдешь налево — попадешь на Курский вокзал, если прямо — все равно на Курский вокзал, если направо — все равно на Курский вокзал.

В. Ерофеев, «Москва — Петушки»

Среди многочисленных заслуг Виктора Алексеевича следует вспомнить заложенную им традицию изучения языка сусу семьи манде в России (или, не побоюсь так выразиться, традицию отечественной сусуистики). В. А. подготовил замечательную публикацию [Виноградов, Фофана 1997], под его руководством и при его активном участии написана работа [Фофана 1992]; опыт работы с сусу отражен и в более общих работах В. А. Впоследствии сусу в России занимались В. А. Плуноян и А. Ю. Урманчиева [Плуноян 2005; Плуноян, Урманчиева 2006] и автор настоящей статьи.

Среди прочего, хотелось бы пожелать юбиляру свободного времени, которое позволило бы ему подготовить более масштабные работы, отражающие его ценнейший опыт работы с этим замечательным языком.

В языке сусу в его синхронном состоянии представлено три служебных элемента *та*. Во-первых, это локативный послелог *та́*, во-вторых, это глагольная приставка *та́-*, а в-третьих, это хабикулярно-футуральный показатель

* В настоящей работе использованы как данные, заимствованные из ранее опубликованных материалов по языку сусу, так и собственные данные автора, полученные в ходе работы с информантом. Автор выражает свою самую глубокую благодарность Умару Камара, с которым он интенсивно работал в Москве осенью 2004 г. и весной 2007 г. Примеры, полученные от информанта, приводятся без ссылок на источник.

-*ta*. Многие факты указывают на то, что речь не идет о случайной омонимии этих морфем, а все они диахронически связаны между собой. Отдельные фрагменты диахронического развития этих показателей уже становились предметом рассмотрения в литературе. Так, в [Keita 1989] на материале близкородственного языка джалонке обсуждается происхождение как глагольных приставок, так и соответствующих им послелогов от существительных с локативным значением; некоторые аргументы в пользу происхождения приставки *ta*- непосредственно из существительного с локативным значением приводятся в [Шлуинский 2008]; в [Bailleul 1986] предлагается реконструкция субстантивного значения послелога *ta* в бамана, соответствующего послелогу *ta* в сусу. В [Lürke 2005: 122] для имперфективного маркера *-ta* джалонке, соответствующего хабитуально-футуральному показателю сусу, постулируется происхождение из локативного послелога (а само по себе происхождение имперфективного показателя из локативной конструкции является типологически характерным, ср. [Bybee, Dahl 1989] о данном пути грамматикализации как таковом, а [Tröbs 2003] о циклическом повторении этого пути грамматикализации в языках манден). В [Шлуинский 2006а] обсуждается развитие индивидуальных и футуральных значений у *-ta* как у хабитуального показателя сусу. В настоящей работе предлагается сведение воедино фактов, касающихся употребления показателей *ta* в языке сусу, а также общая реконструкция диахронической связи этих показателей.

Замечание. В настоящей работе мы непосредственно рассматриваем только материал сусу, но следует оговорить, что обсуждаемая семантическая реконструкция относится, по-видимому, самое меньшее к уровню, объединяющему группу сусу-джалонке с языками манден. Показатели *ta*, параллельные соответствующим показателям сусу, представлены и в близкородственном джалонке и в более генетически отдаленных манден. Известные нам данные этих языков не противоречат выводам настоящей работы.

Прежде всего, дадим характеристику употребления каждого из рассматриваемых показателей. В 1 обсуждается употребление послелога, в 2 — хабитуально-футурального аффикса, в 3 — глагольной приставки.

1. Послелог *ta*: расширение локализации SUPER

Основной/исходной (и, по-видимому, наиболее частотной) функцией послелога *ta* в языке сусу является выражение локализации SUPER¹, то есть

¹ Мы здесь пользуемся ориентированной на латинские предлоги номенклатурой локализаций, распространенной в отечественной лингвистике и введенной в свое время А. Е. Кибриком [Кибрик 1977: 51—52].

указание на местоположение на поверхности ориентира. Примеры (1)—(2) иллюстрируют суперэссивные контексты.

- (1) *banxi yo tu ti-ma yi bəxi ma*
 дом никакой NEG строить-НАВФУТ этот участок на
 ‘Никакой дом не будет построен на этом участке’. [Touré 1994: 160]
- (2) *n tara bara a yeɛ to kige ma*
 1SG старший.брат TRMN 3SG REFL видеть луна на
 ‘Мой брат увидел себя в [= на] зеркале [= луне]’.

Послелог *ma* не чувствителен к наличию движения и его типу и допускается как в суперэссивных контекстах, так и в суперлативных, ср. (3а—б).

- (3) а. *n sa-xi sade ma*
 1SG лежать-PFCT кровать на
 ‘Я лежу на кровати’.
- б. *n na sa-fe sade ma*
 1SG COP лежать-PROG кровать на
 ‘Я ложусь на кровать’.

Приведем дополнительные примеры на суперлативные употребления.

- (4) *banxi bira mixi-e ma*
 дом падать человек-PL на
 ‘Дом свалился на людей’. [Touré 1994: 62]
- (5) *n naɣa ti se Maxi ma*
 1SG CONS ставить вещь плохой на
 ‘Я наступил на змею [= плохую вещь]’.
- (6) *n bara bɔnfɛ baki n tunki ma*
 1SG TRMN сумка ставить 1SG рука к
 ‘Я повесил сумку на (свое) плечо’.

Есть также более маргинальные случаи супер-пролативного употребления (движение по поверхности ориентира), показывающие, что в центре семантики послелого *ma* находится именно поверхность ориентира, вне зависимости от дополнительной лативной семантической составляющей.

- (7) *e giri fale ma*
 3PL идти мост на
 ‘Они прошли по [= на] мосту’. [Touré 1994: 62]

При этом, однако, послелог *ma* употребляется не только в собственно контекстах с локализацией SUPER, но также и в контекстах с более общей эссивной (8)—(9) и аллативной (10)—(11) семантикой.

- (8) *woto ti-xi banxi seti ma*
 машина ставить-PFCT дом сторона на
 ‘Машина стоит возле [= на стороне] дома’.
- (9) *dumedi lan-ma-nε a xa fori-e ma-lin xe ma*
 ребенок должен-NAВFUT-ASS 3SG POSS предок-PL МА-достигать поле на
 ‘Ребенок должен помогать своим родителям на поле’.
- (10) *walike-e bara siga xe ma*
 работник-PL TRMN уходить поле на
 ‘Работники пошли на поле’. [Touré 1994: 262]
- (11) *n tara bara a ya ra-findi n ma*
 1SG старший.брат TRMN 3SG глаз RA-становиться 1SG на
 ‘Мой брат повернулся [= повернул свои глаза] ко мне [= на меня]’.

Представлен также ряд более абстрактных / производных употреблений послелога *ma*. Во-первых, с аллативными контекстами типа (10)—(11) связаны реципиентные употребления разного типа (12)—(14), а с ними — употребление послелога *ma* для выражения Экспериенцера, как в (15)—(16).

- (12) *ginε kedi seβε-fe mangε ma*
 женщина бумага писать-PROG вождь на
 ‘Женщина пишет письмо вождю’.
- (13) *fatu bara leki fi a xunya ma*
 Фату TRMN лепешка давать 3SG младший.брат на
 ‘Фату дала лепешку своему младшему брату [= на брата]’. [Фофана 1992: 85]
- (14) *ali bara bagan musa ma*
 Али TRMN напасть Муса на
 ‘Али напал на Мусу’. [Фофана 1992: 45]
- (15) *di singe ra-fan e xa mixi-e ma*
 ребенок первый RA-быть.хорошим 3PL POSS человек-PL на
 ‘Первые дети нравятся своим родителям [= на своих людей]’. [Touré 1994: 160]
- (16) *xinbeli a ma*
 холодный 3SG на
 ‘Ему [= на нем] холодно’. [Touré 1994: 311]

Во-вторых, это употребление послелога *ma* для выражения Источника, как в предложениях (17)—(18), и связанное с ним употребление для выражения Стимула при эмотивных глаголах, как в (19)—(21).

- (17) *n tara bara n na-kisi fax-ε ma*
 1SG старший.брат TRMN 1SG RA-спасаться умирать-NMN на
 ‘Мой брат спас меня от смерти [= на смерть]’.
- (18) *n bara yi diore xili fi n tara ma*
 1SG TRMN этот ребенок имя дать 1SG старший.брат на
 ‘Я даю этому ребенку имя моего старшего брата [= на старшего брата]’.
- (19) *e naxa yele n ma*
 3PL CONS смеяться 1SG на
 ‘Они надо мной [= на меня] смеялись’.
- (20) *n bara tagan i ma*
 1SG TRMN уставать 2SG на
 ‘Я устал от тебя [= на тебя]’.
- (21) *n bara хэнэ n tara ma*
 1SG TRMN сердиться 1SG старший.брат на
 ‘Я рассердился на своего брата’.

Этимология послелога *ma* представляется сравнительно прозрачной и приводится для соответствующего послелога бамана в [Bailleul 1986]; предполагается, что речь идет о не сохранившемся в современных языках манден (как и в современных языках сусу-джалонке) существительном со значением ‘поверхность’.

2. Глагольная приставка *ma-*: расширение дистрибутива

Семантика глагольной приставки *ma-* в языке сусу не поддается однословной характеристике: имеются различные семантические классы префиксальных *ma*-дериватов, мотивированных свойствами исходной глагольной лексемы. Иногда эти свойства могут быть сформулированы в общих терминах, но часто имеет место и полная или частичная идиоматизация глагольных *ma*-дериватов. Подробный разбор *ma*-префиксации, в том числе ее маргинальных случаев, предлагается в [Shluinsky (Ms.)]; здесь мы рассмотрим только наиболее типичные способы соотношения значения глагола с приставкой *ma-* со значением исходного глагола.

Насколько можно судить, исходными значениями приставки *ma-* являются следующие два: наиболее частотное значение дистрибутивного мультипликатива и сравнительно редкое значение полного охвата.

Значение дистрибутивного мультипликатива имеют *ma*-дериваты, образованные от глаголов, обозначающих краткие предельные (в первую очередь пунктивные) необратимые ситуации. *Ma*-дериват с точки зрения акциональной характеристики является мультипликативом, то есть описывает единую

ситуацию, состоящую из множества повторяющихся одноподобных квантов (см. о семантике мультипликативов, например, [Храковский 1989: 25—33]). При этом в данном случае каждый следующий квант вовлекает в ситуацию новую пространственную часть одного из участников (дисперсив), либо нового участника (дистрибутив). Предложения (22) и (24) демонстрируют употребление беспрефиксальных глаголов, а (23) и (25) — употребление соответствующих им дистрибутивно-мультипликативных *ma*-дериватов. Ср. также *banban* ‘прибивать’ [Houis 1963: 70] > *mababan* ‘прибивать, сколачивать во многих местах’ [Ibid.], *fi* ‘давать’ > *mafi* ‘раздавать’ [Ibid.: 72].

- (22) *a bara n ma donma bɔ*
 3SG TRMN 1SG POSS бубу рвать
 ‘Он порвал мой бубу’. [Houis 1963: 71]
- (23) *yoka nde ma-bɔ n bɛ*
 маниока INDEF МА-рвать 1SG к
 ‘Нарежь мне маниоки’. [Houis 1963: 71]
- (24) *a naɣa yefure tongo*
 3SG CONS горячая.вода брать
 ‘Он взял немного горячей воды’. [Houis 1963: 89]
- (25) *mixi-e na kansi ma-tongo-fe*
 человек-PL COP арахис МА-брать-PROG
 ‘Люди собирают арахис’. [Фофана 1992: 72]

Значение полного охвата (часто сопровождающееся изменением актанта-структуры глагольной лексемы) имеют *ma*-дериваты, образованные от инкрементальных глаголов, то есть глаголов, семантика которых подразумевает вовлечение все большей части одного из участников ситуации по мере ее продвижения (в работе [Dowty 1991], введшей в научный оборот понятие инкрементальности, этот участник называется «инкрементальной темой»). В (26) употреблен беспрефиксальный инкрементальный глагол, а в (27) — его *ma*-дериват со значением полного охвата. Ср. также *bɔrɔ* ‘гнить, портиться’ [Houis 1963: 71] > *mabɔrɔ* ‘полностью испортить’ [Ibid.].

- (26) *a na dugi tolin-fe*
 3SG COP одежда крутить-PROG
 ‘Она выкручивает одежду’. [Houis 1963: 74]
- (27) *yi wuri ma-tolin-xi*
 этот ветка МА-крутить-PFCT
 ‘Эта ветка полностью перекрутилась’. [Houis 1963: 74]

Различные производные значения приставки *ma*-, как и дистрибутивно-мультипликативное значение, принадлежат к семантической зоне предикат-

ной множественности. Семантические типы предикатной множественности неоднократно становились предметом рассмотрения в общетипологической литературе, ср. [Dressler 1968; Cusic 1981; Храковский 1989; Шлуинский 2006б; Wood 2007]. Кратко охарактеризуем здесь основные семантические оппозиции, необходимые для дальнейшего изложения. Начиная с [Dressler 1968] известно различие дистрибутивной vs. недистрибутивной предикатной множественности; в первом случае каждое повторение ситуации или ее кванта подразумевает вовлечение нового участника, тогда как во втором случае состав участников ситуации постоянен. В [Cusic 1981; Храковский 1989] независимо введено противопоставление внутрисобытийной (мультипликативной) vs. событийной предикатной множественности; внутрисобытийный тип подразумевает единую ситуацию, состоящую из множества повторяющихся квантов, тогда как событийный тип — повторение независимых идентичных ситуаций. Наконец, в [Шлуинский 2006б] (и, более подробно, в [Shluinsky 2009]) систематически описаны индивидуальные значения предикатной множественности, подразумевающие некую постоянную характеристику объекта, более опосредованно связанные с повторением некоторой ситуации. Для деривационных средств, используемых для образования новой глагольной лексемы с семантикой предикатной множественности (к числу которых относится рассматриваемая нами приставка *ta-*), в [Newman 1980; 1990] на материале чадских языков был предложен удачный англоязычный термин «*pluractionality*»; в настоящее время этот термин все чаще употребляется более широко, для предикатной множественности в целом.

Большая часть *ta*-дериватов используется для выражения внутрисобытийного типа предикатной множественности, т. е. для образования мультипликативных глаголов. Помимо уже рассмотренных исходных дистрибутивно-мультипликативных употреблений, широко распространены также чисто мультипликативные, лишенные дистрибутивного компонента. Такие дериваты образуются, во-первых, от глаголов, обозначающих краткие предельные (в первую очередь пунктивные) ситуации, допускающие повторение (ср. (28)—(29), а также *garin* ‘ударить, хлопнуть’ [Touré 1994: 182] > *magarin* ‘хлопать многократно’ [Ibid.: 212], *xin* ‘укусить’ [Ibid.: 178] > *maxin* ‘кусать многократно’ [Ibid.: 208]), а во-вторых, от глаголов, уже исходно имеющих мультипликативное значение (ср. (30)—(31), а также *kən* ‘лизать’ [Houis 1963: 22] > *takən* ‘лизать’ [Touré 1994: 208], *furuku* ‘тереть’ [Ibid.: 192] > *mafuruku* ‘тереть’ [Ibid.: 214]); в последнем случае *ta*-дериват оказывается приблизительно синонимичным исходному глаголу. Специфическим случаем внутрисобытийного типа предикатной множественности является альтернативное значение, то есть значение разнонаправленной ситуации, которое имеют *ta*-дериваты, образованные от глаголов движения, ср. (32)—(33).

- (28) *nanden naɣa miɣidi bɔnbɔ*
мачеха CONS сирота ударять
'Мачеха ударила сироту'. [Houis 1963: 122]
- (29) *i to nu xi-ma, n naɣa siɣa i ma-bɔnbɔ-fe*
2SG когда RETR спать-НАВFUT 1SG CONS уходить 2SG МА-ударять-PROG
'Когда ты спал, я пошел похлопать тебя'. [Houis 1963: 71]
- (30) *a na fundenyi boron-fe*
3SG COP фонию топтать-PROG
'Он топчет фонию (молотя его)'. [Houis 1963: 71]
- (31) *male ma-boron-yi temui na a ra*
рис МА-топтать-NMN время COP 3SG с
'(Наступило) время топтать рис [= топтания риса]'. [Houis 1963: 71]
- (32) *si bara a gi*
коза TRMN 3SG бежать
'Коза бежала'. [Фофана 1992: 40]
- (33) *didi nde a ma-gi-fe*
ребенок INDEF 3SG МА-бежать-PROG
'Бегают какой-то ребенок'.

С другой стороны, приставка *ma-* также систематически используется для образования (часто с изменениями актантной структуры) производных глаголов, имеющих значение свойства, принадлежащего к числу индивидуальных значений предикатной множественности. Если исходный глагол описывает некоторую единичную ситуацию, то производный от него *ma-*дериват — определенную предрасположенность, которая может проявляться в единичных ситуациях. Данное соотношение иллюстрируют примеры (34)—(35), ср. также *kinikini* 'чувствовать жалость' [Raimbault 1923: 131] > *makinikini* 'быть жалостливым' [Touré 1994: 215], *bɔɣun* 'блевать, плевать' [Houis 1963: 71] > *tabɔɣun* 'плеваться' [Ibid.].

- (34) *a nu wuyenyi fala, a nu kali-ma*
3SG RETR слово говорить 3SG NEG клясться-НАВFUT
'Если он что-то говорит, он не клянется'. [Houis 1963: 73]
- (35) *ba i ma-kali-fe*
переставать 2SG МА-клясться-PROG
'Прекрати то и дело клясться'. [Houis 1963: 73]

Что касается диахронии приставки *ma-*, то прежде всего следует указать на факт ее параллелизма с послелогом *ma* (а точнее, факт более общего параллелизма трех наиболее употребительных глагольных приставок *ma-*, *ra-* и *i-* с тремя наиболее употребительными послелогом *ma*, *ra* и *i*, отмеченный

еще в [Houis 1963: 131]). Весьма показательны в этом плане примеры (36)—(37), которые приводит с другими целями А. Туре. И послелог *ma* в (36а) и (37а), и приставка *ma-* в (36b) и (37b) довольно наглядно отражают идею охвата определенной поверхности.

- (36) a. *a bara dugi ba kote ma*
 3SG TRMN полотно снимать багаж на
 ‘Он снял полотно с багажа’.
- b. *kote bara ma-ba*
 багаж TRMN МА-снимать
 ‘Багаж открыт’. [Touré 1994: 269]
- (37) a. *a bara bunse-e yensen bɔxi ma*
 3SG TRMN жемчужина-PL разбрасывать земля на
 ‘Он разбросал жемчужины по земле’.
- b. *bunse-e bara ma-yensen*
 жемчужина-PL TRMN МА-разбрасывать
 ‘Жемчужины разбросаны’. [Touré 1994: 269]

При этом, по-видимому, невозможно постулировать происхождение глагольных приставок из послелогов²; следовательно, их источником являются непосредственно локативные существительные. Основание для такого утверждения дает характерный для семьи манде специфический порядок слов: прямое дополнение предшествует глаголу (или смысловой части аналитической глагольной формы), но послеложная группа за ним следует, а значит, поскольку источник приставки мог располагаться только левее глагольной словоформы, им не мог быть послелог. Следовательно, приставки этимологически являются прямым дополнением глагола, а нынешние прямые дополнения префиксальных глаголов — именными зависимыми прямого дополнения; см. подробнее [Шлуинский 2008]. В пользу этой точки зрения говорят и параллели из языков манде других групп; так, в [Выдрин 2009] описывается своеобразная система превербов в языке дан-гуэта, сохраняющих ряд синтаксических свойств существительных, с семантической точки зрения уже являясь несомненными модификаторами глагола.

Грамматикализация существительного со значением ‘поверхность’ в приставку и в послелог шла, таким образом, параллельно. Значения дистрибутивного мультипликатива и полного охвата сохраняют наиболее нагляд-

² Другую логическую возможность — происхождение послелогов из приставок — мы не рассматриваем уже потому, что в этом случае пришлось бы предположить крайне неправдоподобный линейный отрыв аффикса и его превращение в морфологически более самостоятельный элемент.

ную связь с идеей поверхности; значения мультипликатива и свойства являются расширением исходной более частной семантики.

3. Видо-временной показатель *-ma*: расширение хабитуалиса

Исходным значением видо-временного показателя *-ma*, по-видимому, было значение прогрессива, т. е. единичной ситуации, происходящей одновременно с точкой отсчета, в частности моментом речи. Значение прогрессива наиболее тесно связано с происхождением видо-временного аффикса из показателя со значением именной локализации³. Но если в джалонке прогрессивные употребления *-ma*, согласно [Lürke 2005], являются основными и в настоящее время, то в сусу они отсутствуют.

Непосредственно производными от несохранившихся прогрессивных употреблений, как следствие расширения семантики видового показателя от прогрессива до имперфектива, являются хабитуальные употребления показателя *-ma*, соответствующие событийному типу предикатной множественности. Речь идет об описании регулярного повторения определенной ситуации.

- (38) *n xunua dumedī tēmui nu fura-ma kiki-e birin*
 1SG младший.брат ребенок время RETR болеть-НАВFUT месяц-PL каждый
 ‘В детстве мой младший брат каждый месяц болел’.

С хабитуальным значением связаны более маргинальные индивидуальные значения предикатной множественности у показателя *-ma*. Значение индивидуального состояния состоит в указании на единичную ситуацию, длительность которой тождественно длительности существования ее участника, ср. (39). Значение капацитива состоит в указании на определенную способность участника, которая отражается в (потенциально регулярной) реализации этой способности, ср. (40). Значение свойства было рассмотрено нами выше в связи с семантикой приставки *ma-*; речь идет о некоторой характеристике участника, которая проявляется в определенном регулярном событии, ср. (41)—(42).

- (39) *n tata nu gaḥo-ma bare yara*
 1SG бабушка RETR бояться-НАВFUT собака перед
 ‘Моя бабушка боялась собак’.

- (40) *n xunua giŋe ma nu bəre Min-ma a*
 1SG младший.брат женщина на RETR суп готовить-НАВFUT 3SG

³ Ср. маргинальные употребления русского предлога *на* типа *Она на чистке картошки*, *Он на уборке урожая*.

yeɛɛ ra

REFL с

‘Моя сестренка сама варила суп’.

(41) *n tanun ni yeɛɛ min-ma*

1SG дед RETR табак пить-NAVFUT

‘Мой дедушка курил [= пил табак]’.

(42) *yi xame wɔyeɛn-ma amane radiyo*

этот человек разговаривать-NAVFUT как радио

‘Этот человек разговаривает, как радио’. [Touré 1994: 293]

Другим значением показателя *-ma* является значение будущего времени. Он может употребляться со значением будущего предиктивного (т. е. предсказания говорящего о том, что должно произойти при определенных условиях) (43), будущего проспективного (т. е. предположения говорящего о будущем на основании определенных предпосылок в настоящем) (44), будущего запланированного (т. е. утверждения о будущем на основании принятого решения) (45).

(43) *a xa di findi-ma xeɛbi belebele*

3SG POSS ребенок становиться-NAVFUT земледелец отличный

‘Ее ребенок станет отличным земледельцем’ (пророчество гадателя).

[Фофана 1992: 203]

(44) *yi ninge di bari-ma-ne tina*

этот корова ребенок рожать-NAVFUT-ASS завтра

‘Эта корова завтра будет телиться’. [Фофана 1992: 45]

(45) *a sora gbete yaba-ma tina*

3SG урок другой объяснять-NAVFUT завтра

‘Завтра он будет объяснять другой урок’. [Фофана 1992: 53]

В [Шлуинский 2006а] было показано, что данные сусу дают возможность для предположения о появлении у показателя *-ma* значения будущего времени (за исключением будущего запланированного, скорее связанного с исходным значением прогрессива) на базе проиллюстрированного примером (40) капацитивного значения, характеризующего внутреннюю способность участника. Промежуточным значением является значение эпистемической возможности, также представленное у показателя *-ma*, ср. пример (46). Типологически само направление семантического развития от внутренней способности к эпистемической возможности и далее к значению будущего времени было впервые показано в [van der Auwera, Plungian 1998]; объяснение таким образом хабитуально-футуральной полисемии, примером которой является показатель *-ma*, было предложено в [Татевосов 2004] на материале одной из групп нахско-дагестанской языковой семьи.

- (46) *yeŋdeɣe naɣa a yabi, a tan mixiyo mi a*
 белка CONS 3SG отвечать 3SG FOC никто NEG 3SG
lu-ma xɛ bi-de
 превосходить-НАВFUT поле пахать-INF
 ‘Белка ему ответила, что ее-то никто не победит (т. е. ‘не сможет победить’) в пахоте поля’. [Фофана 1992: 205].

Таким образом, показатель *-ma* демонстрирует развитие от прогрессива, возникшего на базе локативной конструкции, к событийной глагольной множественности и далее к индивидуальным значениям (в частности, значению свойства) и к значению будущего времени.

4. Семантическое развитие *ta*-показателей

Суммируем обсуждавшееся выше семантическое развитие *ta*-показателей. Не сохранившееся существительное со значением ‘поверхность’ оказалось источником, во-первых, послелога, имеющего значение локализации SUPER (в эссивном, лативном и пролативном варианте), а во-вторых, приставки, имеющей исходные значения полного охвата и дистрибутивного мультипликатива. Послелог развивает более общие эссивные и лативные употребления, на основе которых появляются и употребления с более абстрактной семантикой (Источник, Стимул, Реципиент, Экспириенцер). Этот же послелог послужил источником имперфективного видо-временного показателя, изначально имевшего значение прогрессива, но далее, после появления у него хабитуального значения, получившего индивидуальные употребления (индивидуальное состояние, капацитив, свойство) и (через значение эпистемической возможности) значение будущего времени. Приставка также получила производные значения мультипликатива (внутрисобытийное значение), свойства (индивидуальное значение) и ряд более частных не рассматривавшихся здесь идиоматизированных значений. Диахроническое развитие семантики *ta*-показателей отображено на Схеме 1.

В отдельные зоны на Схеме 1 выделены внутрисобытийные, событийные и индивидуальные значения предикатной множественности. Семантическая зона предикатной множественности в языке сусу оказывается поделена⁴ между словоизменительным показателем *-ma* и когнатным ему деривационным показателем *ta*-, причем они имеют и общее значение свойства. Выясняется,

⁴ Мы не рассматриваем здесь крайне маргинальные перифрастические конструкции, также способные выражать некоторые значения, принадлежащие к семантической зоне предикатной множественности.

что одно и то же значение может появиться абсолютно разными путями у показателей, имеющих один и тот же лексический источник.

Представляется неслучайным (и ожидаемым в типологическом контексте), что внутрисобытийный тип предикатной множественности выражается деривационным средством, а событийный тип — средством словоизменительным. Описание единой ситуации, состоящей из повторяющихся квантов, — свойство прежде всего акциональной составляющей лексической семантики глагола; во многих, если не во всех, языках (и сусу не исключение, см. пример (30)) есть непроизводные мультипликативные глаголы (ср. русские глаголы типа *махать*). Описание же регулярного повторения отдельных ситуаций, напротив, регулярно выражается в системе видо-временного словоизменения, при помощи специализированного хабитуального показателя, как в сусу, или же при помощи видо-временного показателя с более широкой аспектуальной семантикой. Что же касается индивидуальных значений предикатной множественности, то они, с одной стороны, естественно выражаются и показателями глагольного словоизменения (ср. русские контексты для настоящего времени типа *Он курит*, *Он громко говорит*), а с другой стороны, не менее естественно выражаются и лексически, так как речь идет о качестве объекта, лишь опосредованно связанном с повторяющейся ситуацией (ср. русский лексический способ выражения свойства типа *быть жалостливым*, находящийся в соответствующем соотношении с *жалеть*). Нет ничего неожиданного, таким образом, в том, что пересечение семантики показателей *ta*- и *-ta* находится именно в области значения свойства, принадлежащего к числу индивидуальных.

Разумеется, представляется неслучайным и тот факт, что именно словообразовательным средством оказалась приставка, а словоизменительным суффикс (притом что, казалось бы, в данном конкретном случае он попросту с необходимостью вытекает из порядка слов). Не говоря о том, что со времен [Greenberg 1957] известно общее положение о более маргинальном положении префиксов в языках мира, заметим, что особо маргинально использование префиксов в словоизменении (хотя и имеется ряд общеизвестных исключений, начиная с языков банту).

Взаимоотношения показателей *-ta* в языке сусу и их диахрония дают, таким образом, удивительный пример того, как семантическое и морфологическое развитие, во многом обусловленное спецификой конкретно-языковой структуры, укладывается при этом в общетипологические тенденции. Особенно ярко это проявляется в том, как когнатные показатели разными путями достигают общей точки в семантическом пространстве.

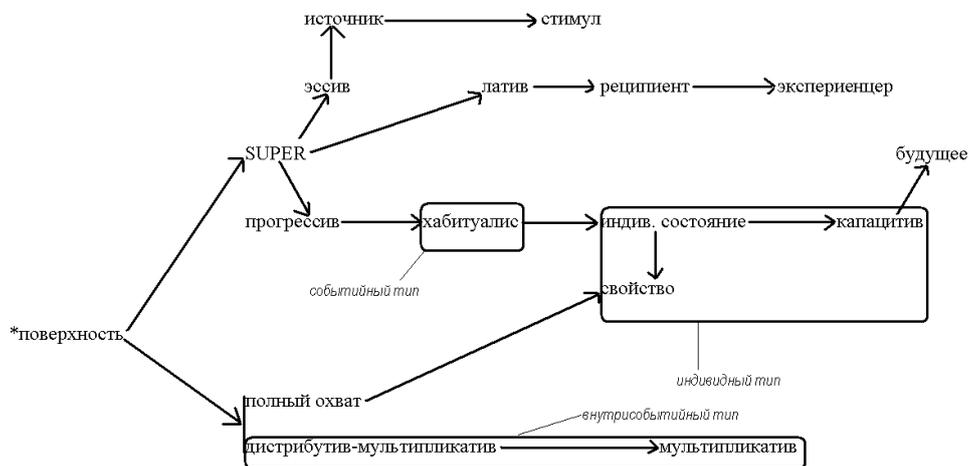

Схема 1. Диахроническое развитие семантики *ta*-показателей.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ASS — ассертив; CONS — консекутив; COP — глагольная связка; FOC — фокусная частица; HABFUT — хабитуалис-футурум; INDEF — показатель неопределенности; INF — инфинитив; MA — глагольная приставка *ma*-; NEG — отрицание; NMN — имя действия; PFCT — перфект; PL — мн. число; POSS — показатель посессивности; PROG — прогрессив; RA — глагольная приставка *ra*-; REFL — рефлексивный маркер; RETR — ретроспективный сдвиг; SG — ед. число.

Литература

- Виноградов, Фофана 1997 — Виноградов В. А., Фофана М. С. Сказки и пословицы сосо // Язык африканского фольклора. Африканская сказка. П. М., 1997.
- Выдрин 2009 — Выдрин В. Ф. Провербы в языке дан-гуэта // Вопр. языкознания. 2009. № 2.
- Кибрик 1997 — Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Таксономическая грамматика. М., 1997. Т. 2.
- Плунгян 2005 — Плунгян В. А. Глагольная система сусу: типологические и ареальные особенности // X конф. африканистов. М., 2005.
- Плунгян, Урманчиева 2006 — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. К описанию глагольной системы языка сусу (в сопоставлении с джалонке) // Исследования по языкам Африки 2005: Сб. статей, посвящ. 40-летию отдела африканских языков. М., 2006.
- Татевосов 2004 — Татевосов С. Г. *Есть — бывает — будет*: на пути грамматикализации // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики: ирреалис и ирреальность. М., 2004.

- Фофана 1992 — *Фофана М.-С.* Синтаксис простого предложения в языке аналитического типа (на материале языка сосо): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Храковский 1989 — *Храковский В. С.* Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // *Храковский В. С.* (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Шлуинский 2006а — *Шлуинский А. Б.* Полисемия хабитуалис — футурум: показатель *-ta* в языке сусу // Исследования по языкам Африки 2005: Сб. статей, посвящ. 40-летию отдела африканских языков. М., 2006.
- Шлуинский 2006б — *Шлуинский А. Б.* К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // *Вопр. языкознания.* 2006. № 1.
- Шлуинский 2008 — *Шлуинский А. Б.* Рефлексивизация в контексте прямого дополнения в языке сусу // *Выдрин В. Ф и др.* (ред.). Африканский сборник 2007. СПб., 2008.
- Bailleul 1986 — *Bailleul Ch.* Sens originel des postpositions en Bambara // *Mandenkan.* 1986. № 11.
- Bybee, Dahl 1989 — *Bybee J., Dahl Ö.* The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in language.* Vol. 13. 1. 1989.
- Cusic 1981 — *Cusic D.* Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. Stanford, 1981.
- Dowty 1991 — *Dowty D. R.* Thematic proto-roles and argument selection // *Language.* Vol. 67. 3. 1991.
- Dressler 1968 — *Dressler W.* Studien zur verbalen Pluralität. Wien, 1968.
- Greenberg 1957 — *Greenberg J. H.* Essays in linguistics. Chicago, 1957.
- Houis 1963 — *Houis M.* Étude descriptive de la langue Susu. Dakar, 1963.
- Keita 1989 — *Keita B.* Les préverbes du dialonké // *Mandenkan.* 1989. № 17.
- Lüpke 2005 — *Lüpke F.* A grammar of Jalonke argument structure. PhD Proefschrift. Nijmegen, 2005.
- Newman 1980 — *Newman P.* The classification of Chadic within Afroasiatic. Leiden, 1980.
- Newman 1990 — *Newman P.* Nominal and verbal plurality in Chadic. Dordrecht, 1990.
- Raimbault 1923 — *Raimbault R. P.* Dictionnaire Français-Soso et Soso-Français. Rome, 1923.
- Shluinsky 2009 — *Shluinsky A.* Individual-level meanings in the semantic domain of pluractionality // *Arhipov A., Epps P.* (eds.). New challenges in typology. Berlin; N. Y., 2009.
- Shluinsky (Ms.) — *Shluinsky A.* Verbal prefixes in Susu and lexical features of verbal stems // To be submitted in Mandenkan.
- Touré 1994 — *Touré A.* Eléments de description de la langue Soso. Thèse de doctorat. Grenoble, 1994.
- Tröbs 2003 — *Tröbs H.* On the origin of some predicative markers in imperfective constructions in Manding // *Mandenkan.* 2003. № 38.
- van der Auwera, Plungian 1998 — *van der Auwera J., Plungian V. A.* Modality's semantic map // *Linguistic Typology.* Vol. 2. 1998.
- Wood 2007 — *Wood E. J.* The semantic typology of pluractionality. Ph.D. thesis. Berkeley, 2007.